

Гемир В Семирание В Семирание

на реке Южный Буг

Приложения

К. Б. Калинина,

А. Закосьцельна,

М. Кершнер и Х. Моммзен,

С. В. Хаврин

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

THE STATE HERMITAGE MUSEUM ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

THE STATE HERMITAGE MUSEUM RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

G. I. Smirnova, M. Ju. Vakhtina, M. T. Kashuba, E. G. Starkova

Nemirov Hill Fort on South Bug River

According the excavation materials of the 20th century from collections of the State Hermitage Museum and documents kept in IHMC RAS

With the Supplements by K. B. Kalinina, A. Zakościelna, M. Kerschner and H. Mommsen, S. V. Khavrin

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. И. Смирнова, М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба, Е. Г. Старкова

Городище Немиров на реке Южный Буг

По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН

Приложения:

К. Б. Калинина, А. Закосьцельна, М. Кершнер и Х. Моммзен, С. В. Хаврин

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 17-01-16507-ОГН, не подлежит продаже

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Authorized for publication by the Academic Board of the Institute for the History of Material Culture RAS

Ответственные редакторы:

Chief editors.

д. и. н. А. Ю. Алексеев, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Ю. А.Виноградов

Dr. hab. A. Ju. Alekseev, Ju. Ju. Piotrovsky, Dr. hab. Ju. A. Vinogradov

Рецензенты: В. С. Бочкарёв, д. и. н. И. В. Палагута

Prepublication reviews by V. S. Bochkarev, Dr. hab. I. V. Palaguta

Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г.

(Приложения: Калинина К. Б., Закосьцельна А., Кершнер М. и Моммзен Х., Хаврин С. В.)

Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН. — Санкт-Петербург: ГЭ; ИИМК РАН; НКТ, 2018. — 336 с.: ил.

Smirnova G. I., Vakhtina M. Ju., Kashuba M. T., Starkova E. G.

(With the Supplements by Kalinina K. B., Zakościelna A., Kerschner M. and Mommsen H., Khavrin S. V.)

Nemirov Hill Fort on South Bug River. According the excavation materials of the 20th century from collections of the State Hermitage Museum and documents kept in IHMC RAS. — St. Petersburg: The State Hermitage Museum; Institute for the History of Material Culture RAS; Neva Book Printing House, 2018. — 336 p.: fig.

ISBN 978-5-9909872-2-7 doi.org/10.31600/978-5-9909872-2-7

Коллективная монография посвящена известному археологическому памятнику — Немировскому городищу на Южном Буге. Основу исследования составили данные, полученные при раскопках городища в ХХ в. и хранящиеся в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН, архиве и коллекциях фондов Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Рассмотрена история изучения памятника С. С. Гамченко (1909 г.), А. А. Спицыным (1910 г.) и М. И. Артамоновым (1946—1948 гг.). Подробно освещены два периода заселения территории городища: в энеолите (трипольская культура) и в раннем железном веке (раннескифская культура). Показано значение городища в раннем железном веке, когда в его материальной культуре отложились западный гальштаттский (в широком значении этого термина) импульс и ранние контакты с греками. Предложена общая схема развития материальной культуры Немировского городища в разные исторические эпохи — от энеолита до новейшего времени. Книга состоит из шести глав и девяти приложений, которые включают каталоги индивидуальных находок трипольской культуры, каталог греческой архаической керамики, а также результаты естественнонаучных анализов керамики трипольской культуры, восточногреческой керамики и поверхности ручки бронзового зеркала. Многие архивные материалы и находки из коллекций впервые вводятся в научный оборот.

Издание предназначено для археологов, историков, специалистов в смежных областях науки, студентов и всех, интересующихся археологией и древней историей Северного Причерноморья и Европы.

The collective monograph is devoted to the famous archaeological site – Nemirov hill-fort on South Bug. At the basis of investigation are the materials from the excavations of the settlement in the 20th century kept in Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS, Archive and collection funds of the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage Museum (Saint Petersburg). The book reviews the history of the excavation of the site by S. S. Gamchenko (1909), A. A. Spitzyn (1910), and M. I. Artamonov (1946–1948). The book gives a detailed account of two periods of the occupation of the settlement: in Eneolithic time (Trypillia culture) and Early Iron Age (Scythian culture). The authors showed the significance of the hill-fort in the Early Iron Age, when two impulses reflected in its culture — Hallstatt (in the broad meaning of the term) and early contacts with the Greeks. The general scheme of development of the material culture of the hill-fort in different historical periods — from Eneolithic time till modern epoch — has been suggested. The book consists of the six parts and nine supplements, which include the catalogues of individual finds of Trypillia culture, Greek Archaic pottery and the results of natural-scientific analyses of Trypillia pottery, East-Greek pottery and of the surface of the bronze mirror handle. A lot of archive materials and finds kept in collections are published for the first time.

The book is destined to archaeologists, historians, specialists in related sciences, students and all interested in archaeology and history of the ancient Northern Black Sea and Europe.

- © Государственный Эрмитаж, 2018 The State Hermitage Museum, 2018
- © Институт истории материальной культуры PAH, 2018 Institute for the History of Material Culture RAS, 2018
- © Невская книжная типография, 2018 Neva Book Printing House, 2018
- © Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г., Калинина К. Б., Закосьцельна А., Кершнер М. и Моммзен Х., Хаврин С. В., 2018 Smirnova G. I., Vakhtina M. Ju., Kashuba M. T., Starkova E. G., Kalinina K. B., Zakościelna A., Kerschner M. and Mommsen H., Khavrin S. V., 2018

Содержание

Предисловие	. 11
Введение	. 13
ГЛАВА 1. Немировское городище в работах ученых ХХ — начала ХХІ в	
1.1. История изучения	. 17
1.2. Формирование коллекций	. 44
ГЛАВА 2. Немировское городище как археологический памятник	
(<u>Г. И. Смирнова</u> , М. Т. Кашуба)	
2.1. Общая характеристика	
2.2. Оборонительные сооружения — общие сведения	
2.3. Состояние источников: полевая и архивная документация	
2.4. Культурно-хронологические горизонты	
2.5. О методике работы с материалами	. 71
ГЛАВА 3. Материальный комплекс Немировского городища в энеолите	
(трипольская культура) (Е. Г. Старкова)	
3.1. История исследований, планиграфия	. 75
3.2. Керамический комплекс	. 76
3.3. Антропоморфная пластика	
3.4. Зооморфная пластика	
3.5. Изделия из глины	
3.6. Выводы	. 135
ГЛАВА 4. Материальный комплекс Немировского городища в раннем железном веке	
(<u>Г. И. Смирнова</u> , М. Т. Кашуба)	. 137
4.1. Особенности материальной культуры	
4.2. История формирования коллекции	
4.3. Изучение коллекции: что остается и что меняется	
4.4. Объекты и комплексы	
4.5. Общая характеристика керамического комплекса	
4.6. Характеристика отдельных категорий находок	. 180
4.7. Проблема происхождения местной чернолощеной посуды	
	-
ГЛАВА 5. Греческая керамика из раскопок Немировского городища (<i>М. Ю. Вахтина</i>)	
5.1. О формировании и истории изучения коллекции	
5.2. Общая характеристика материалов	
5.3. Категории греческой керамики из раскопок Немировского городища	
5.4. О датах и топографии находок греческой керамики	. 212
Немировского городища среди синхронных находок античного	
керамического импорта на других памятниках лесостепи	. 212
5.6. Находки греческой керамики на Немировском городище в контексте проблемы	
ранних связей между греческим миром и варварскими центрами	
Северного Причерноморья	. 214
5.7. Заключение	
ГЛАВА 6. Периодизация и хронология Немировского городища в раннем железном	Веке
(Г. И. Смирнова, М. Т. Кашуба, М. Ю. Вахтина)	
6.1. Периодизация и хронология согласно Г. И. Смирновой	
6.2. Возможности керамического комплекса для построения периодизации	
6.3. Хронологические индикаторы	
6.4. Стратиграфические наблюдения	
6.5. Обновленная периодизация	
6.6. Значение и место Немировского городища в раннем железном веке	
2.21 2 renne и meere mempebenere городища в раппем железном вене	1ر ـ
Заключение	. 23/

Послесловие (<u>Г. И. Смирнова</u>)
Приложение 1. Исследование материалов и техники росписи керамики трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (К. Б. Калинина)
Приложение 2. Антропоморфная пластика трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (<i>E. Г. Старкова</i>) 250
Приложение 3. Зооморфная пластика трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (<i>Е. Г. Старкова</i>) 254
Приложение 4. Изделия из глины трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (<i>E. Г. Старкова</i>) 257
Приложение 5. Кремневый и каменный инвентарь трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (<i>А. Закосьцельна</i>) 259
Приложение 6. Греческая архаическая керамика из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа, каталог находок (М. Ю. Вахтина)
Приложение 7. Археометрические анализы импортной архаической восточногреческой керамики, найденной на Немировском городище. Коллекции Государственного Эрмитажа (М. Кершнер, Х. Моммзен, перевод М. Ю. Вахтиной) 305
Приложение 8. Результаты рентгено-флюоресцентного анализа поверхности ручки бронзового зеркала из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (<i>C. B. Хаврин</i>)
Приложение 9. К вопросу культурной атрибуции открытых на Немировском городище погребений (<i>Г. И. Смирнова</i>)
Литература и архивные материалы
Список сокращений
Summary

Contents

Preface	. 11
Introduction	. 13
CHAPTER 1. Nemirovo hill-fort in the works of scholars of 20th — beginning of 21st century	17
1.1. The history of investigation	
1.2. On the forming of collections	
	44
CHAPTER 2. Nemirovo hill-fort as an archaeological object	
(<u>G. I. Smirnova</u> , M. T. Kashuba)	
2.1. General description	45
2.2. Defensive installations – the general data	50
2.3. The state of sources: field and archive documentation	
2.4. Cultural and chronological levels	
2.5. On the methods of working at the material	. 71
CHAPTER 3. Material complex of Nemirovo in the Eneolithic period (Trypillian culture)	
(E. G. Starkova)	
3.1. The history of research	
3.2. Pottery complex	
3.3. Antropomorphous plastic arts	
3.4. Zoomorphic plastic arts	
3.5. Clay products	
3.6. Conclusions	135
CHAPTER 4. Material complex of Nemirovo in the Early Iron Age	
(G. I. Smirnova, M. T. Kashuba)	137
4.1. The peculiarities of the local culture	137
4.2. The history of collection forming	
4.3. The study of the collection: what remains and what changes	
4.4. Objects and complexes	
4.5. General characteristics of the pottery complex	
4.6. Characteristics of the individual categories of finds	
4.7. The problem of origin of the local black-glossed pottery	
4.8. Some results and tasks	
CHAPTER 5. Greek pottery from the excavations of Nemirovo (M. Ju. Vakhtina)	102
5.1. On the forming and the history of examination of pottery collection	
5.2. General characteristics of materials	
5.3. Categories of Greek pottery from the excavations of Nemirovo hill-fort	
5.4. On the dating and topography of the Greek pottery finds	
	212
5.5. The place of Greek pottery collection from the excavations	
of Nemirovo hill-fort among the synchronic finds of Greek pottery imports	
from the other sites of the forest-steppe zone	212
5.6. Greek pottery finds of Nemirovo hill-fort in the context of a problem	
of the early interactions between the Greek world and the barbarian sites	
of the Northern Black Sea Coast	
5.7. Conclusions	221
CHAPTER 6. Periodization and chronology of Nemirovo hill-fort in the Early Iron Age	
(<u>G. I. Smirnova</u> , M. T. Kashuba, M. Ju. Vakhtina)	
6.1. Periodization and chronology according G. I. Smirnova	
6.2. Recourses of the pottery complex to chronological elaboration	
6.3. Chronological indicators	
6.4. Stratigraphy observations	228
6.5. The periodization renewed	231
6.6. The meaning and the place of Nemirovo hill-fort in the Early Iron Age	
Conclusions	234

Afterword (G. I. Smirnova)
Supplement 1. The examination of materials and technique of painting ceramics of the Trypillia culture painted pottery from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (K. B. Kalinina)
Supplement 2. Antropomorphous plastic arts of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>E. G. Starkova</i>)
Supplement 3. Zoomorphic plastic arts of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>E. G. Starkova</i>)
Supplement 4. Clay products of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>E. G. Starkova</i>)
Supplement 5. Flinty and stone inventory of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>A. Zakościelna</i>)259
Supplement 6. Greek Archaic pottery from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum. Catalogue of the finds (<i>M. Ju. Vakhtina</i>)276
Supplement 7. Archaeometric analyses of imports of Archaic East Greek Pottery found at Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (M. Kerschner, H. Mommsen, translation by M. Ju. Vakhtina)
Supplement 8. The results of X-ray fluorescence analysis of the surface of the bronze handle from the excavations of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (S. V. Khavrin)
Supplement 9. Burials discovered at the territory of Nemirovo hill-fort (<u>G. I. Smirnova</u>)313
Bibliography and Sources
Abbreviations331
Summary

ПРИЛОЖЕНИЕ 7. Археометрические анализы импортной архаической восточногреческой керамики, найденной на Немировском городище. Коллекции Государственного Эрмитажа¹⁰²

М. Кершнер*, Х. Моммзен** (*Австрийский археологический институт ААН, Вена; **Берлин)

Нейтронно-активационный анализ и оценка данных¹⁰³

Семь сосудов Nemi 1-7, приведенных в таблицах и каталоге (табл. 6.13, 5; 6.14, 1; 6.5, 1; 6.16; 6.15, 1; 6.15, 6; 6.4, 3; кат. 6.2.49; 6.2.51; 6.2.6; 6.2.59; 6.2.56; 6.2.58; 6.2.4), были исследованы методом нейтронно-активационного анализа (НАА) в Лаборатории археометрии в Бонне. Наша методика измерений представляет собой модифицированную версию метода, используемого в Беркли (Perlman, Asaro 1969), которая регулярно применялась нами в течение примерно 30 лет (Mommsen et al. 1991). В настоящее время общепринято, что совокупность (набор) весовых концентраций вторичных элементов и микроэлементов в керамике является характеристикой глиняного теста, используемого древними мастерами и, следовательно, позволяет определить мастерские, где производилась керамика. Предполагается, что эти мастерские находились недалеко от источника (или источников), из которого (которых) брали глину. Если совокупность различных элементов измерена с высокой точностью, то высока вероятность, что эта совокупность уникальна. Поэтому такую совокупность (образец) можно сравнить с уникальным отпечатком человеческого пальца, а метод назвать методом определения химических отпечатков пальцев (Perlman, Asaro 1969; Harbottle 1976; Wilson 1978; Mommsen 2011).

Можно предположить, что керамические сосуды, имеющие сходные композиции элементов, были изготовлены в одной или нескольких близкорасположенных мастерских. Для сравнения различных образцов используют методы статистики, такие как метод главных компонент (РСА) или различные варианты кластерного анализа (CA) (Baxter 2003). В Бонне нами был разработан комплекс статистических методов, работающий как фильтр (Mommsen et al. 1988; Beier, Mommsen 1994). Он позволяет формировать обширный банк данных, включая в него все образцы с характеристиками данных, демонстрирующих совпадения, с учетом экспериментальных неточностей, а также возможности того, что глиняное тесто может быть «разбавлено» другими добавками, такими, например, как кварцевый песок (SiO₂) или кальцит (CaCO_) (Mommsen, Sjöberg 2007). Это делается на основе вычисления наиболее соответствующего фактора, так называемого коэффициента разбавления с учетом заданной модели фильтра. Обе эти особенности не могут быть учтены методами главных компонент и кластерным анализом (РСА или СА).

Образцы фрагментов керамики для анализов берутся в виде мельчайших частиц (порошка), полученных при помощи сверла с корундовым наконечником (чистый оксид алюминия) диаметром 10 мм. Для проведения анализа необходимо всего лишь 80 мг, материал обычно берется с внутренней поверхности фрагментов. В результате на ней остается лишь поверхностный след диаметром около 1 мм, на основании которого можно будет в будущем судить о том, что здесь брался материал для наших исследований. Взятые образцы немировской керамики вместе с шестью стандартными керамическими образцами из Бонна¹⁰⁴ были отправлены в Нидерланды для исследования на реакторе в Институте реакторов Дельфтского Технологического университета, где они подверглись облучению нейтронами (12.5 n/cm²·s), продолжительность 10 ч. После того как образцы были возвращены обратно в лабораторию Бонна, радиоактивное излучение измерялось в течение последующих четырех недель и рассчитывалось для определения концентрации элементов. Метод позволяет выявлять до 30 элементов, присутствующих в пределах обнаружения.

Результаты нейтронно-активационного анализа (NAA) и дискуссия о группах происхождения восточногреческой керамики, представленной в материалах Немировского городища

Определение состава элементов, присутствующих в немировских образцах, было проведено успешно. В результате для всех семи образцов были выявлены определенные источники происхождения. Выявленные концентрации наборов, включающие 29 элементов, представлены в таблице 1.

Семь образцов греческой расписной импортной керамики из Немировского городища принадлежат к четырем различным по своему химическому составу группам происхождения. Все они могут быть точно локализованы благодаря убедительным сравнительным материалам. Два из них были расположены в Южной Ионии (Милет, Самос), один — в Северной Ионии (Теос), еще один — в регионе ионийских апойкий (колоний) на южном побережье Геллеспонта (табл. 2; 3).

Все семь образцов из Немирова надежно соотносятся со «своими» группами, как это видно из таблицы, отражающей результаты дискриминантного анализа (табл. 4). Полные (закрашенные) символы относятся к немировским образцам.

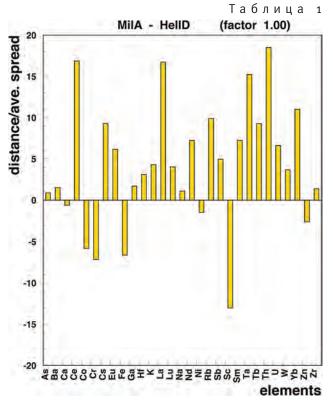
Группа производства MilA: Милет (мастерские Калабак-Тепе)

Нейтронно-активационный анализ (NAA) образцов Nemi 1 и Nemi 2 (*табл. 6.13, 5; 6.14, 1, кат. 6.2. 49; 6.2. 51*) позволил выявить набор элементов MilA, который может быть локализован в крупном и важном южноионийском

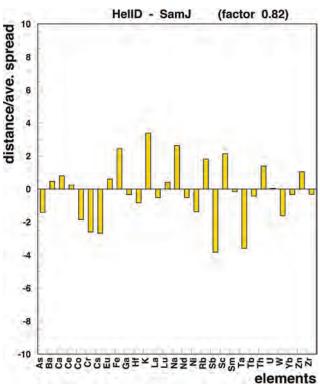
¹⁰² М. К. выражает благодарность Ю. Бырзеску (Бухарест), Дж.-М. Хенке (Афины), Х. Дж. Киенасту (Мюнхен), Н. Панталеон (Уммендорф) и У. Шлотцауэру (Берлин) за комментарии и справки. Х. М. благодарит сотрудников Института реакторов Дельфтского Технологического университета (Нидерланды), проводивших иррадиацию образцов керамики.

¹⁰³ Перевод с английского языка М. Ю. Вахтиной.

¹⁰⁴ Стандарты см. Mommsen, Sjöberg 2007.

центре керамического производства — Милете (MilA, прежде обозначен как A: Kerschner et al. 1993: 203–205, 208–209, figs. 2–5, tab. 2; Akurgal et al. 2002: 42, 44–47, 141, fig. 3; Kerschner, Mommsen 2004–2006: 83–84, figs. 1–2; Mommsen et al. 2006a: 70, 74, tab. 2; Schlotzhauer, Villing 2006: 59–60, figs. 21–22; Mommsen et al. 2012: 439–440, 442, 445, tab. 2; Schlotzhauer 2012: 43–45). Ha-

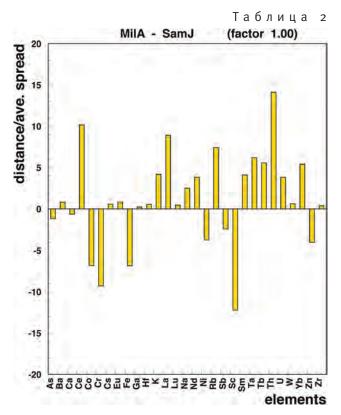
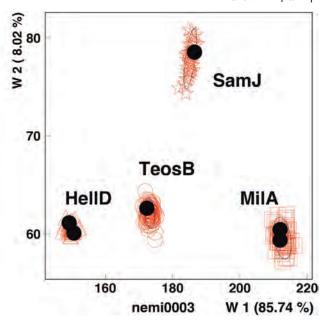

Таблица 4

бор элементов этого центра в настоящее время представлен 97 образцами нашего банка данных (табл. 2). Эталонные материалы этой группы производства представлены бракованными изделиями восьми обжигательных печей, раскопанных на архаических участках поселения и в квартале ремесленников на южном склоне Калабак-Тепе¹⁰⁵. Поэтому мы назвали эти центры производства «мастерскими Калабак-Тепе».

¹⁰⁵ Образцы Mile 5, Milet 2, 6, 7, 9, 10, 11, 140. О керамическом браке из печей см. Akurgal et al. 2002: 37, 41, 113–114, cat. nos. 90–99, figs. 59–64. Об архаических керамических мастерских на Калабак-Тепе см. Senff 1999: 394–395, 403, fig. 7.

Существует еще одна большая группа происхождения, MilD, которая также по результатам NAA может быть отнесена к Милету. Она была выделена на основе изучения брака милетских архаических транспортных амфор, происходящего из керамических печей, открытых на холме Калабак-Тепе¹⁰⁶. Химические «отпечатки пальцев» MilD очень похожи на «отпечатки» MilA (MilD, прежде обозначен как D: Kerschner et al. 1993: 203-205, 208-209, figs. 2-5, tab. 2; Akurgal et al. 2002, 37-42, 140; Kerschner, Mommsen 2004–2006: 83–84, figs. 1–2; Mommsen et al. 2006a: 70, 74, tab. 2; Schlotzhauer, Villing 2006: 59-60, figs. 18–20; Mommsen et al. 2012: 439–440, 442, 445, tab. 2; Schlotzhauer 2012: 43-45). Поэтому весьма вероятно, что набор элементов MilD представляет другой источник глины в окрестностях Милета, геологически схожий с сырой глиной, которая использовалась для изготовления сосудов с «химическими отпечатками пальцев» MilA. Также возможно, что различные способы приготовления глиняного теста, практикуемые мастерами, влияли на химический состав двух этих групп. Группа MilD включает в себя категории керамики, которые также представлены в группе MilA. Так как оба этих набора элементов были выявлены на основе анализов брака из печей на холме Калабак-Тепе, можно полагать, что оба вида керамического теста использовались в тамошних мастерских. В отличие от группы MilA, MilD не была обнаружена среди образцов из Немирова.

Nemi 1 представляет собой фрагмент большой амфоры с выступающим краем венчика и необычно широким, напоминающим кратер горлом. Внешняя поверхность имеет роспись в виде пояса из чередующихся цветов и бутонов лотоса на горле и фриза с изображениями животных на плечиках, от которого сохранилось изображение льва и ласточек, сидящих на его поднятом кверху изогнутом хвосте. Сюжет и стиль росписи характерны для милетского варианта ранней стадии «стиля дикого козла», милетского архаического стиля lb (MileAlb), который датируется 650–630 гг. до н.э. (Kerschner, Schlotzhauer 2005: 17–25, fig. 15). Набор элементов образца Nemi 2 чрезвычайно близок набору элементов образца Nemi 1. Следовательно, принадлежность обоих фрагментов к одному сосуду является весьма вероятной.

Форма образца Nemi 1 не представлена в продукции самого Милета и в целом не характерна для продукции всего региона Южной Ионии¹⁰⁷. Тип амфоры с широким венчиком, украшенной росписью в ориентализирующем стиле, хорошо известен на севере, в Эолии и прилегающих к северу областях Ионии (Смирна) и Лидии (Сарды) (Соок 1950: 13, fig. 8; 1985: 26–28, pl. 5b-c; Iren 2003: 9–12, 16, 25, 58–59, 66–67, 76, 85, 97, drawings 5–15)¹⁰⁸. Эту форму назвали «амфорой типа Мирина» по находке на этом памятнике первого опубликованного экземпляра, ныне находящегося в экспозиции Лувра (Rayet 1884;

Pottier, Reinach 1887: 232–233, 499–504, figs. 36; 55–56, pl. 51; Walter-Karydi 1970: 12, pl. 5,3; 8,4; Akurgal 1987: pl 21b; Iren 2003: 69, 170 cat. no. 81; Coulié 2013: 182, pl. X). Этот эпонимный экземпляр является более поздним, чем Nemi 1, и датируется первой половиной VI в. до н.э. (Walter-Karydi 1970; Iren 2003: 138 — «aiolischer Tierfriesstil II»; Coulié 2013: 182, pl. XV).

Между профилями Nemi 1 и «амфорой типа Мирина» имеются ярко выраженные отличия. Плечики более поздних сосудов более плоские и их переход в горло, равно как и в тулово, оформлен более определенно (ср. Iren 2003: drawing 9–11), тогда как Nemi 1 имеет плавный профиль. Горло у «амфор типа Мирина» коническое, тогда как у Nemi 1 оно скорее прямое и лишь немного вогнутое.

Как показал К. Ирен, опираясь на находки из некрополя Питаны, серия эолийских амфор с ручками на тулове восходит к VII в. до н.э. (Ibid.: 9-12, 16, 58-59, drawings 5-15; о хронологии: 56, 138, fig. 18; 73). Более ранние экземпляры, относящиеся ко второй половине VII в. до н.э., имеют более покатые плечи, плавно переходящие в округлое тулово (см., напр., Akurgal 1987: pl. 18; 104; Iren 2003: 164-165, 169-170, cat. 105, 14-17, 165, 169-170, cat. 165, 169-170, cat. 165, 169-170, сат. 169-170, сат.

Декор ранней «амфоры типа Мирина» из Питаны демонстрирует влияние милетского архаического стиля Ib (Milesian Archaic Ib) (или более широко — южноионийского архаического стиля Ib: South Ionian Archaic Ib), который в эолийском варианте сочетался с местными элементами. Тем не менее, все же имеется один признак, указывающий на несколько более позднюю дату амфоры из Питаны: подвесные треугольники у верхней границы фигурного фриза, являющиеся элементами, характерными для следующей фазы, милетского архаического стиля Ic (Milesian Archaic Ic).

На современном уровне наших знаний трудно определить связь между эолийскими широкогорлыми амфорами и милетским сосудом Nemi 1. В Милете неизвестны находки эолийской керамики, поэтому мы не располагаем свидетельствами о том, могли ли милетского мастера, из рук которого вышел сосуд Nemi 1, вдохновлять эолийские образцы. Тот факт, что эта форма не получила распространения в стандартном репертуаре милетской керамики, может, скорее, свидетельствовать в пользу гипотезы о том, что она была продиктована предпочтениями скифского рынка. Есть и другой след, связывающий форму Nemi 1 с Северной Ионией: пифоидные амфоры, производившиеся, в основном, на Хиосе и также экспортируемые в Северное Причерноморье (Березань), у которых было широкое горло, покатые плечи и крупное тулово (Boardman 1967: 137, 141 cat. nos. 521–523, fig. 88, pl. 44, *X* (Хиос); Скуднова 1960: 165–166, рис. 14; Борисфен-Березань 2005: 26, рис. 1).

Форма сосуда Nemi 1 — большая амфора с широким венчиком — является исключением в кругу сосудов VII в. до н.э., найденных в Милете. Поэтому вполне вероятно, что она была специально выбрана с учетом вкусов и пожеланий заказчиков. Большая, богато и искусно украшенная ваза, подобная этой амфоре, была действительно

¹⁰⁶ Образец no. Mile 141, не опубликован. Благодарю A. Нассо (Неаполь/Рим) за эту информацию.

¹⁰⁷ Выражаю признательность Н. Панталеон (Уммендорф) за информацию о находке амфоры этого типа, не имевшей росписи, в Милете. Однако до сих пор не было найдено ни одного подобного расписного сосуда, украшенного в милетском «стиле дикого козла».

¹⁰⁸ О связях между этими соседними регионами, особенно теми, которые располагались вдоль долины р. Герм, см. Kerschner 2017.

престижной вещью, демонстрировавшей богатство скифского вождя. В конечном пункте своего назначения она также ценилась и как экзотическая вещь, свидетельствовавшая о дальних связях и контактах своего владельца. Широкогорлая амфора Nemi 1 была многофункциональной. Ее можно было накрыть крышкой и использовать как амфору для хранения продуктов. Во время праздников она могла служить для смешивания вина, подобно кратеру. Так как на городище не было найдено ни одного фрагмента кратера, можно предположить, что сосуд Nemi 1 мог сочетать функции обоих этих типов.

Группа производства HelleD: мастерские Геллеспонта в северной Троаде

Образцы Nemi 3 and Nemi 4 (табл. 6.5, 1; 6.16, кат. 6.2.6; 6.2.59) входят в группу производства HelleD, которая может быть локализована на южном побережье Геллеспонта 109. Эталонный образец Т3 представляет собой сырую глину из глинистого слоя в Интепе между древней Троей и современным городом Чанаккале (Mountjoy, Mommsen 2006: 98–100, 102, Tab. 1.4 (sample no. Т3); ср. Mommsen et al. 2006b: 166). Точное местоположение мастерской пока не установлено, так как основные эталонные материалы, такие как брак из обжигательных печей, или другие свидетельства древнего керамического производства пока не выявлены (см. Kerschner 2006b: 148–149). Поэтому мастерские (вероятно, их было несколько), использовавшие это месторождение глины, получили название по имени региона — «мастерские Геллеспонта». Ионийские апойкии южного побережья пролива Геллеспонт являются наиболее предпочтительными кандидатами на роль центров, где располагались эти высокопродуктивные мастерские, в которых изготовлялась архаическая керамика, расписанная в стиле, имевшем южноионийское происхождение. Р. Порсаментир, с которым согласен П. Дюпон, предложил локализацию в Абидосе (а также, возможно, в Перкоте и Аризбе), так как известно, что это был большой город, основанный милетянами (Mommsen et al. 2006b: 167; Posamentir, Solovyov 2006: 115; 2007: 196; Dupont 2008: 1; Posamentir et al. 2009: 41). Другими возможными центрами могли быть Дарданос, Офринейон и Роетейон, которые, хотя и располагались ближе к Интепе, все же были более мелкими и очевидно, менее экономически развитыми городами (Posamentir, Solovyov 2006: 115; об исследованиях этих памятников см. Cook 1973: 59, 75, 80–81, pl. 3*a-b*; Arslan 2005; 2009; в целом о полисах Троады: Mitchell 2004). Принимая во внимание близкое расположение этих четырех полисов, нетрудно представить, что два из них (или более) использовали один и тот же слой глины, протяженность которого неизвестна. Если так и было в действительности, то определить их керамическую продукцию методом NAA невозможно.

Несмотря на то что продукция мастерских Геллеспонта демонстрирует стилистическую близость керамике Милета, состав ее элементов отличается от милетского паттерна MilA, что показано в таблице 1, где видны раз-

личия в концентрации (Mommsen et al. 2006b: ср. 161, fig. 3 — группа HelleD там названа TroD). Концентрация элементов в MilA по сравнению с HellD является более высокой для церия (Се), лантана (La), тантала (Та) и тория (Тh), тогда как для кобальта (Со), хрома (Сr), железа (Fe) и скандия (Sc) более низкие концентрации установлены в MilA, как это видно из характеристик, приведенных в таблице 2.

Кроме того, есть веские основания полагать, что это же месторождение глины использовали и гончары Трои. Во-первых, набор элементов HelleD (бывшей TRO-D) хорошо представлен в керамических находках из Трои на протяжении длительного периода, с XVI по VII вв. до н.э. (Mommsen et al. 2001: 178, 194-200, figs. 7, 8, 20, 22, 29–40; Mountjoy, Mommsen 2006: 111–114, fig. 12). Это означает, что глиняное тесто было местным или же импортировалось из центра производства, расположенного неподалеку. Во-вторых, оно является вторым по распространенности для микенской посуды из Трои, подвергнутой анализу; его использовали для изготовления расписной, а также сероглиняной керамики поселения на протяжении фаз Троя V, VI и VII (Mountjoy, Mommsen 2006: 111-112). Однако, как это стало известно в настоящее время, в позднем бронзовом веке вышеупомянутые поселения вдоль южного берега Геллеспонта не были обитаемы. И, как следствие этого, сосуды позднего бронзового века группы происхождения HelleD должны были изготавливаться где-то в других местах, скорее всего, гончарами из Трои, бывшей доминирующим поселением в регионе. Так как Троя была расположена неподалеку от пролива Геллеспонт, название HelleD можно использовать и в дальнейшем.

Связанный с предыдущим, но немного отличный по химическому составу паттерн элементов TRO-Т может быть локализован в Сестосе на северном побережье Геллеспонта (Posamentir et al. 2009: 41, 45, fig. 4, 3)¹¹⁰.

Nemi 3 — фрагмент шаровидного тулова закрытого сосуда, вероятно, кувшина, с крутыми плечиками. Максимальный диаметр тулова 18 см, что меньше, чем у типа ойнохои распространенного на протяжении синхронных фаз южноионийского «стиля дикого козла». Дальнейшее изучение самой ранней керамической продукции мастерских Геллеспонта покажет, был ли этот тип сосуда характерен для нее. Образец Nemi 4 — ойнохоя с «полосатой» росписью (табл. 6. 16; кат. 6.2.59) — тип, характерный для областей Восточной Эгеиды.

Группа происхождения TeosB: «мастерские чаш с птицами» в Teoce

Сосуд Nemi 5 (табл. 6. 15, 1; кат. 6.2, 56) представляет собой импорт в Немиров из Теоса, он имеет набор TeosB (старое название В — Kerschner et al. 1993). Этот состав в настоящее время зафиксирован для 369 образцов. Кандидатура Теоса уже предлагалась ранее на основе данных археологии. Недавно это предположение было подтверждено результатами нейтронно-активационных анализов (NAA) керамического брака из обжигательных печей, обнаруженных в Teoce (Kadioğlu et al. 2015; Ker-

 110 Различия заключаются в более низкой концентрации хрома (Cr) и более высокой — гафния (Hf), во всем остальном наборы элементов HelleD и TRO-T очень близки.

¹⁰⁹ Образцы Mile 5, Milet 2, 6, 7, 9, 10, 11, 140. О керамическом браке из печей см. Akurgal et al. 2002: 37, 41, 113–114, cat. nos. 90–99, figs. 59–64. Об архаических керамических мастерских на Калабак-Тепе см. Senff 1999: 394–395, 403, fig. 7.

schner, Mommsen: in press). Эти мастерские были названы «мастерские чаш с птицами» («Bird bowl workshops») по наиболее распространенной категории их продукции.

Небольшой фрагмент стенки закрытого сосуда Nemi 5 по своему стилю может быть отнесен к поздней фазе североионийского «стиля дикого козла» (North Ionian Archaic Id), который хорошо представлен среди изделий группы TeosB.

Группа происхождения SamJ: остров Самос

Два образца, Nemi 6 и Nemi 7 (табл. 6. 15, 6; 6.4, 3, кат. 6.2.58; 6.2.4), входят в еще одну хорошо определяемую группу происхождения под названием SamJ (прежде обозначена J: Kerschner, Mommsen 2004-2006: 84-85, figs. 1, 3; Mommsen et al. 2006a: 72; Schlotzhauer, Villing 2006: 59-60, figs. 14-17; Mommsen et al. 2012: 439, 442, 444, tab. 2; Schlotzhauer 2012: 56-58). Различия между наборами элементов MilA и SamJ, с учетом усредненного коэффициента изменчивости, показаны в таблице 2. На первый взгляд, таблица 2 сходна с таблицей 1. Разница по многим элементам между группами MilA и SamJ не сильно отличается от различий, представленных в таблице 1 между группами MilA and HellD: концентрации элементов церия (Ce), лантана (La), тантала (Та) и тория (Th) выше в MilA, концентрации кобальта (Co), хрома (Cr), железа (Fe) и скандия (Sc) — ниже. Но если мы более тщательно рассмотрим различия между HellD и SamJ, скорректированные с учетом наиболее подходящих коэффициентов для HellD (**табл. 3**), то увидим отчетливые статистические отличия между обоими наборами элементов.

Группа происхождения SamJ может быть локализована на о. Самос благодаря трем образцам (Samo 16, 17 and 20), происходящим из святилища Геры, расположенного за пределами городских стен примерно в 7 км к юго-западу от полиса Самос (о нейтронно-активационном анализе чаш из святилища Геры Самосской см. Kerschner, Mommsen 2004–2006: 84–85, figs. 1, 3). Эти три образца «кружек» с дипинти принадлежат к специфической категории керамики, найденной в этом святилище в огромном количестве111. Она была впервые описана У. Кроном и названа им «керамика Геры» или «культовая керамика» («Kultgeschirr») (Kron 1984: 292–297; 1988: 144–145; cf. Isler 1978: 142–143, pl. 71–73; Furtwängler 1989: 71–103, figs. 12–18, pl. 34; Schlotzhauer 2012: 155)¹¹². Для этого класса посуды характерны большие буквы, нанесенные краской по внешней поверхности, которая была украшена особым образом фризами и поясами лака. К этому специфическому типу принадлежала ограниченная серия сосудов. «Кружки» были наиболее распространенной формой, но известны и чаши с отогнутым краем, ойнохои, гидрии, амфоры, леканы и кратеры с такими же дипинти,

правда, в значительно меньших количествах (Kron 1984; 1988: 145, fig. 8; Furtwängler 1989: 81; Avramidou 2016: 49–50; Moustaka 2017: 161, figs. 52–54). Большие буквы НРН (часто в сокращенной версии НР и РН в ретроградной) на внешней поверхности сосудов были убедительно интерпретированы У. Кроном как сокращения имени богини Геры (Kron 1984: 294–295; 1988: 145; cf. Schlotzhauer 2012: 57, 116; Arvamidou 2016: 49). Именно эти дипинти, очевидно, и превращали сосуды в собственность богини, так как сосуды этой формы, украшенные подобным образом, также находят в жилых и погребальных комплексах Самоса (Avramidou 2016: 51 quoting examples).

«Керамика Геры» — феномен, возникший в конце VII в. до н.э., существовавший на протяжении VI в. до н.э. и достигший своего «пика» в первой половине этого столетия (Isler 1978: 96; Furtwängler 1980: 159-160; Kron 1984: 292; 1988: 145; Furtwängler 1989: 71-101, 103, fig. 17; Schlotzhauer 2012: 155; Avramidou 2016: 49; Moustaka 2017: 161, figs. 52-54). У. Крон предположил, что она использовалась для ритуальных трапез в культе главного женского божества Самоса (Kron 1984: 296; 1988: 144-145). Недавно А. Аврамиду выдвинула гипотезу о том, что эта керамика, скорее всего, предназначалась для рабочих, трудившихся на строительных работах в огромном храмовом комплексе Герайона, она служила посудой для их трапез (Avramidou 2016: 53-55)113. Главным ее аргументом служит хронологическое совпадение главной продукции «керамики Геры» и сооружением двух, возведенных один за другим гигантских диптеров Геры во второй и третьей четвертях VI в. до н.э. Это время было, однако, также временем интенсивного отправления культа в Герайоне, что подтверждают находки большого количества керамики и вотивных приношений. Следовательно, необходимость особого класса стандартизованной керамики может быть объяснена как присутствием большой группы рабочих, так и наличием большой группы участников ритуальных трапез114.

А. Аврамиду приводит и дополнительные аргументы в поддержку своей гипотезы, правда, все они уязвимы. Особый набор форм «керамики Геры» — большое количество сосудов для питья (в основном, «кружки», но есть и чаши с отогнутым краем) и редкие находки кратеров это совсем не тот набор посуды, который можно связать с дневными трапезами строительных рабочих (Avramidou 2016: 55); скорее, он характерен для ритуальных обедов в архаических святилищах (ср. Kerschner 1997: 202-204 об Артемиссионе в Эфесе в последней трети VII в. до н.э.). Более того, А. Аврамиду рассматривает практику снабжения рабочих керамикой как результат египетского влияния на Самосе, так как у этого острова существовали особенно тесные связи с этим царством фараонов во времена 26-й династии (Avramidou 2016: 56). Она пишет, что «у нас нет свидетельств существования подобной практики снабжения рабочих для близлежащих полисов Милета/Дидим и Эфеса, где также осуществлялись масштабные строительные программы» (Ibid.). К тому же отсутствие класса керамики с дипинти в великих храмах других ионийских городов отнюдь не свидетельствует о том, что огромное количество рабочих, необходимых для возведения архаического диптера Артемиды в Эфесе

¹¹¹ Technau 1929: 33, 36, pl. 28, 1; Isler 1978: 96 («nicht selten»), 143; Furtwängler 1980: 159, n. 26 («45% der Tassen» in phase III [ca. 630/20–590/80 BC]); Kron 1984: 292 («man kann jetzt von einigen hundert Stücken ausgehen»); 1988: 145; Furtwängler 1989: 106–108, fig. 18; Avramidou 2016: 49.

¹¹² Керамика с дипинти впервые упомянута Teчнау — Technau 1929: 36, pl. 28, 1; позже — Фуртвенглером (Furtwängler 1980: 159, п. 26, 160, fig. 21; 22, IV/3 («Keramik mit Dipinti»)). Более ранняя интерпретация Ислера (Isler 1978: 96 («zustaatlichen Opfernbenutzt»)) была оспорена после того, как У. Крон определил букву ро, которую ранее читали как дельту. Подробнее см. Avramidou 2016.

¹¹³ Критику этой гипотезы см. Moustaka 2017: 161, n. 100.

¹¹⁴ О размерах и объеме «кружек» и чаш с Гера-дипинти см. Avramidou 2016: 50, tab. 1.

и Аполлона в Дидимах, не снабжалось едой и посудой. У нас просто нет надежных свидетельств о том, как там было налажено снабжение.

Основываясь на имеющихся археологических и письменных источниках, невозможно принять одну из этих двух гипотез, хотя предположение о ритуальных трапезах, на наш взгляд, более соответствует археологическому контексту находок в Герайоне. «Керамику Геры» часто находят вместе с костями жертвенных животных и вотивными приношениями в различных частях теменоса115. Если бы сосуды с дипинти использовались лишь для обслуживания работающих в храме, можно было бы ожидать подобные находки, в основном, вблизи двух последовательно существовавших диптеров, возможно, даже в специальных мусорных кучах, так как эта керамика не имела бы выраженного сакрального значения. Но даже если гипотеза А. Аврамиду верна и керамика с дипинти действительно предназначалась для рабочих, это никак не может повлиять на тот факт, что подобная посуда использовалась только на территории теменоса Геры Самосской (Kron 1984: 296; 1988: 145; Avramidou 2016: 55). И потому она может рассматриваться как важнейший эталонный материал для локализации нашей группы происхождения SamJ.

Существует еще один памятник, где была найдена «керамика Геры», и он также связан с культом самосской богини. Это филиал ее святилища в эмпории Навкратиса в Египте (Kron 1984: 296; 1988: 145; Schlotzhauer 2012: 56–57, 154–157, cat. nos. Nau 124–129, pl. 27a-28f; Avramidou 2016: 51). В Навкратисе были обнаружены три «кружки» с Гера-дипинти (образцы Nauk 1, 2 and 3). Они исследованы У. Шлотцауэром, выявившим сходный паттерн элементов SamJ, что позволило предположить в них импорт с Самоса в Египет¹¹⁶.

В Навкратисе «керамика Геры» является редким исключением. Здесь было найдено лишь шесть экземпляров, тогда как в самосском Герайоне этот класс посуды представлен многочисленными находками (Schlotzhauer 2012: 154–157, cat. no. 124–129, pl. 27–28; там же см. библиографию). К тому же круг форм, отмеченных буквами, нанесенными краской, разнообразен в самосском Герайоне (Isler 1978: 143; Kron 1984: 292–294, figs. 1–2; 1988: 145, fig. 8; Avramidou 2016: 49–50, fig. 1), тогда как в филиале теменоса в Навкратисе он ограничен пятью «кружками» и единственной чашей с отогнутым краем (Schlotzhauer 2012: 154–157, cat. no. 124–129, pl. 27–28)¹¹⁷. У. Шлотцауэр обоснованно полагает, что шесть сосудов с Гера-дипинти могли быть доставлены в Египет как *aphi*-

drymata, то есть объекты, которые могли способствовать утверждению культа в новом филиале святилища (Schlotzhauer 2006: 311–313). В пользу этой гипотезы свидетельствует тот факт, что наборы элементов «кружек» Nauk 1, 2 и 3 чрезвычайно близки, что свидетельствует о том, что они были изготовлены в одно и то же время из одного и того же приготовленного теста, а также, возможно, с одной и той же целью — переноса культа Геры Самосской в Навкратис (Schlotzhauer 2012: 155).

Гипотеза У. Шлотцауэра объясняет известные факты лучше, чем гипотеза А. Аврамиду о «посуде рабочих» (Avramidou 2016: 58). Редкость находок — всего лишь шесть экземпляров — не свидетельствует об обилии и разнообразии блюд, предназначавшихся большому количеству строительных рабочих. Результат нейтронно-активационного анализа показал, что все три исследованных образца «керамики Геры» из Навкратиса были частью одной партии товара, отправленной в Египет. Это противоречит гипотезе о «посуде рабочих»: если бы она была справедлива, то понадобился бы более длительный отрезок времени для того, чтобы заменить разбитую посуду по прибытии следующей партии товара. В конце концов, сомнительно, чтобы простые «кружки» для рабочих могли бы импортироваться, после того, как анализ выявил на памятнике производство керамики греческих типов, в котором использовалась глина Нила (группа производства QANN) (Mommsen et al. 2006а: 72, tab. 1; Schlotzhauer, Villing 2006: 62-65, figs. 30-44; Mommsen et al. 2012: 438, 443, 447, tab. 2, fig. 14 (группа QANN); Schlotzhauer 2012: 62-65, pl. 3ос-35d). Следовательно, рабочие могли снабжаться и местной посудой, не повторявшей египетские формы, «которые греки никогда не любили», как утверждает A. Аврамиду (Avramidou 2016: 58).

Учитывая размеры острова Самос и гористый характер местности, можно предположить, что здесь существовал более чем один центр производства керамики (Kerschner, Mommsen 2004–2006: 85, n. 40; cf. Dupont 1983: 33–36). Однако группа SamJ представляется самой важной, что подтверждает экспорт этой посуды в Восточную Эгеиду, египетский Навкратис и Северное Причерноморье вплоть до территории скифской лесостепи.

Так как брак из керамических печей и другие артефакты из керамических мастерских Самоса пока еще не проанализированы, мы не можем точно локализовать место (места) производства посуды группы SamJ. Однако можно с большой степенью вероятности предположить, что некоторые из этих мастерских были расположены вблизи святилища Геры, находящегося за городскими стенами, где использовались сосуды с надписями, нанесенными краской, или даже непосредственно в пределах границ теменоса, как полагают У. Шлотцауэр и А. Аврамиду (Schlotzhauer 2012: 57, 155–156; Avramidou 2016: 50–51; Kron 1988: 145 — упоминает остатки керамических мастерских в Герайоне). О широком употреблении этой стандартизированной посуды в Герайоне свидетельствует большое количество их находок в свалках конца VII - VI в. до н.э. (Isler 1978: 46; Kron 1984; 1988: 145; Furtwängler, Kienast 1989: 86–89, fig. 14 I–III, pl. 34, W 2/11; Kienast 2014–2015; Avramidou 2016: 51). Производство этой продукции на территории теменоса или вблизи от него позволило бы сэкономить на транспортных расходах. Археологические свидетельства о гончарных мастерских, например, об обжигательных печах или необожженной посуде, пока еще

¹¹⁵ М. К. благодарит Дж.-М. Хенке (Афины) за эту информацию. Так как большинство находок из Герайона были опубликованы по категориям, трудно реконструировать контексты в целом. Это, прежде всего, относится к костям животных, которые лишь изредка фиксировались в процессе ранних раскопок, до 80-х гг. прошлого века. О контекстах с «керамикой Геры» см. Isler 1978; Furtwängler 1980; Kron 1984: 296; 1988: 145; Furtwängler 1989; Moustaka 2017: 161, figs. 52–54 (восточные ворота теменоса).

¹¹⁶ О NAA «чаш Геры» из Навкратиса (образцы Nauk 1, 2 и 3): Mommsen et al. 2006a: 72; Schlotzhauer, Villing 2006: 59–60, figs. 14–17; Mommsen et al. 2012: 439, 442, 444, tab. 2; Schlotzhauer 2012: 56–58, 155.

¹¹⁷ О месте находки образца cat. no. 125, «кружки» с дипинти, которая, вероятно, была принесена в находящееся поблизости святилище Диоскуров во время строительного периода, см. Schlotzhauer 2012: 155.

не были зафиксированы для Герайона, хотя известны отдельные следы металлообработки на этом памятнике¹¹⁸.

Для производства такой посуды было необходимо, чтобы источник сырого материала располагался не слишком далеко. У нас нет данных ни о местонахождении этого пласта глины, по-видимому, находившегося где-то в юго-восточной части острова, ни о его мощности. Он мог бы использоваться несколькими мастерскими, функционировавшими в разных местах неподалеку. Следовательно, представляется вероятным, что гончары полиса Самос работали примерно в 7 км к востоку от святилища, на восточной окраине долины Герайона, использовали один источник глины и производили керамику с паттерном элементов SamJ. Это подтверждает ряд гончарных изделий, входящих в группу SamJ, включающий и сосуды, сделанные на экспорт и зафиксированные в жилых контекстах, а также амфоры, использовавшиеся для дальней транспортировки товаров.

Два из проанализированных сосудов из Немирова могут быть идентифицированы как самосский импорт. Первый из них, Nemi 6, представлял собой кувшин, по форме напоминавший луковицу, от которого сохранилась верхняя часть тулова. На его покрытой черным лаком внешней поверхности видны узкие резервные линии. Похожие кувшины были найдены в Герайоне, а также на некрополе Camoca (Walter, Vierneisel 1959: 52, pl. 52, 1; Moustaka 2017: 159–60, figs. 44a–b (Герайон); Воеhlau 1898: 42 по. 5, pl. 8, 16; Löwe 1996: 45 cat. по. 36, 5 (западный некрополь)).

Другой образец, Nemi 7, принадлежал чаше с выступающим краем (так называемому ионийскому килику)¹¹⁹, сохранившейся фрагментарно. Она относится ктипу 5 по классификации, разработанной для южноионийских чаш У. Шлотцауэром (о типе 5 — Schlotzhauer 2001: 94—97, 498—504, cat. nos. 87—116, pl. 17—22, 109—113)¹²⁰. Этот существующий на протяжении длительного времени тип был очень широко распространен в Южной Ионии и существовал со второй четверти по конец VII в. до н.э. (lbid.: 295—308 — «680/70—600/590 BC»). Он имеет глубокое вместилище, тонкие стенки и высокий, выдающийся наружу край. Nemi 7 может быть соотнесен с самым ранним типом 5,1.В, для которого характерным является изогнутый профиль края (Schlotzhauer 2001: 95, 498—500, cat. nos. 87—95, pl. 17—18; Graeve 1973—1974: 85, 98, cat. no. 64,

118 М. К. благодарит Х. Дж. Киенаста (Мюнхен) и Дж.-М. Хенке (Афины) за информацию по вопросу о существовании керамических мастерских в Герайоне. Х. Дж. Клиенаст утверждает, «Es gibt im gesamten Heiligtum bis dato keinen einzigen Nachweis für einen Keramikofen» (E-mail, 19.10.2017). О свидетельствах производства металлических изделий см. Schmidt 1972: 177–181, fig. 4; Kyrieleis 1980: 339–340, fig. 8. Крон (Kron 1988: 145) упоминает как железоделательные, так и керамические мастерские, правда, не приводя надежных свидетельств.

119 Термин «Knickrandschale» (= чаша с выступающим краем) был введен У. Шлотцауэром (Schlotzhauer 2000: 412—413; 2001: 2 поте 7, 11 поте 19; 2012: 94). Он убедительно показывает, что этот термин, основанный на объективном критерии, предпочтительнее географического, так как этот тип чаши был широко распространен, а также производился и в других областях за пределами Ионии, например в Великой Греции, Сицилии, в районе Массалии и ее колоний.

120 Подробное обсуждение других предложенных систем классификации см. Schlotzhauer 2001: 17–65, особенно 19–20, fig. 8; а также Schlotzhauer 2000: 407–411, figs. 297–298.

fig. 13, pl. 24, 64 (Милет); Kerschner 1997: 139, 193, cat. no. 57 fig. 40, pl. 8 (Эфес)). Внутренняя поверхность имеет темное покрытие, за исключением пояска между ручками и краем, внешняя поверхность украшена тремя тонкими линиями, выше — тонкая зигзагообразная линия. Тип 5,1.В может быть датирован 680/70–640/30 гг. до н.э.¹²¹.

В настоящее время методом NAA в Бонне было исследовано восемь различных паттернов на материалах 14 образцов чаш с отогнутым краем типа 5: SamJ среди них представлен лучше всего (пять образцов), за ним следуют еще не локализованная группа происхождения UI 4 (два образца) и милетская группа происхождения MilA («мастерские Калабак-Тепе»)¹²². Следовательно, центрами производства чаш 5-го типа были Самос и Милет. Сегодня представляется, что Самос был более важным центром их производства, однако к этому предположению следует относиться с осторожностью, так как количество проанализированных образцов пока еще очень невелико.

Чаши типа 5 широко представлены в слоях и комплексах VII в. до н.э. святилища Геры на Camoce (Walter 1957: 41–42, 46, fig. 4, pl. 54, 3, 4; 68, 2; Walter, Vierneisel 1959: 19, pl. 33, 3, 4; Kopcke 1968: 257–260, cat. nos. 20, 21, 23, figs. 8–9, pl. 95; Isler 1978: 58, 95–96, cat. nos. 138–141, pl. 2; 153, cat. nos. 546–547, pl. 15; Furtwängler 1980: 200, cat. no. I/11, fig. 12; 208 cat. no. II/4–II/5, fig. 16; Schlotzhauer 2001: 95, 498, cat. no. 87, pl. 17; 109). Самосские мастера производили такие чаши не только для местного употребления, но также на экспорт. Их продукция была популярна в соседних полисах Южной Ионии, что подтверждают находки фрагментов керамики группы SamJ в Эфесе и Милете¹²³.

Выводы

Нейтронно-активационный анализ показал, что во второй половине VII в. до н.э. на Немировское городище импортировалась продукция четырех различных центров керамического производства: они располагались в Милете, на Самосе, в Теосе и в районе Геллеспонта. Это означает, что ранняя торговля со скифской элитой лесостепной зоны не была эксклюзивным коммерческим мероприятием ионийских полисов. Хотя Милет и имеет репутацию основного лидера греческой колонизации Северного Причерноморья, очевидно, что и другие полисы Южной и Северной Ионии принимали участие в недавно освоенном новом направлении торговых связей. Мы не знаем, кем были эти купцы, но можем выявить происхождение вещей, которыми они торговали. Наряду с керамической продукцией Южной и Северной Ионии мы можем проследить уже с третьей четверти VII в. до н.э. участие в этой торговле мастерских Геллеспонта. Эти мастерские располагались ближе к рынкам сбыта, что давало им существенное преимущество перед их ионийскими конкурентами.

¹²¹ Более подробную дискуссию о проблемах хронологии см. Schlotzhauer 2001: 296–299, 307.

¹²² Образец Mile 355, подтип 5,1.В — Ibid.: 97, n. 580.

¹²³ Эфес: Akurgal et al. 2002: 51–53; 108–109, cat. no. 68, pl. 5, 68 (образец Ephe 25) и образец Ephe 286 (inv. ART 710087.4; не опубликован). Милет: Schlotzhauer 2001: 97, 502 cat. no. 105, pl. 20; 112 (образец Mile 54) и Ibid.: 97, 500, cat. no. 97, pl. 18; 110 (образец Mile 56).